

Исключения в праве как средство обеспечения его легитимности

Суменков С. Ю.,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права
Саратовской государственной юридической академии
E-mail: sumenkov@bk.ru

Аннотация. В статье раскрывается соотношение двух феноменов правовой действительности: легитимности права и исключений в праве. Автор солидарен с тем, что легитимность представляет собой важнейший признак права, обозначающий признание большинством населения как самого права, так и его регулятивного воздействия. Легитимность права достигается благодаря его эффективности, прежде всего оперативности и дифференцированности. Но главным качеством, способствующим легитимности права, служит возможность согласования разновекторных интересов многочисленных и неоднородных субъектов общественных отношений. Магистральную роль в решении этой задачи выполняют исключения в праве, которые предлагают иной, по сравнению с общим, вариант регуляции, не разрушая при этом стандартизирующий эффект правового регулирования.

Ключевые слова: баланс, легитимность, исключение, интерес, правило, право, признание.

Право — это сложный и многозначный феномен. По поводу его дефиниции, сущности, признаков имеется множество различных точек зрения, идей и теорий, каждая из которых обладает определенными достоинствами, раскрывает ту или иную стороны природы права¹.

По нашему мнению, одной из магистральных характеристик права, вне зависимости от концептуальных подходов к его определению, должно служить такое качество как легитимность.

На легитимность как сущностное качество права обращал внимание О.Э. Лейст, хотя и используя в качестве синонима легитимности слово «авторитетность». «Под авторитетностью права, — писал ученый, — понимается его общеизвестность и укорененность в сознании общества, общепризнанная обязательность права, опирающаяся на страх, сознание необходимости, привычку, религиозные чувства, на конформизм, на подражание, на согласие с правом и т.п.»². Во многом выражая согласие с приведенной цитатой, хотелось бы отметить, что все же авторитетность и легитимность не конгруэнтны; в парадигме авторитетности

доминирует власть, возможность принуждения; для легитимности магистральное значение имеет все же консенсус, согласованность интересов. Как справедливо утверждает В.В. Денисенко, именно «...легитимность закона является главным сущностным свойством позитивного права, а не обеспеченность принуждением, поэтому легитимность является свойством, признаком права, который наряду с иными качествами характеризует онтологическую сущность права, и поэтому изучение легитимности как правовой категории является вполне обоснованным»³.

Легитимность (от лат. *legitimus* — согласный с законами, законный, правомерный) в проекции к правовому регулированию выступает как «понятие, лежащее на границе между правом и моралью, с одной стороны, и правом и политикой — с другой. ... Легитимность есть соответствие не просто закону (это законность), но и справедливости или высшему интересу»⁴.

В данном контексте можно сразу выделить два аспекта: во-первых, отличие легитимности права от легальности; во-вторых — потенциальная возможность обеспечения легитимным правом идей справедливости или (и) высших интересов.

¹ Л. Фридман по данному поводу образно, но верно замечает: «Понятие права имеет множество значений, хрупких как стекло, неустойчивых как мыльный пузырь, неуловимых как время» (Фридман Л. Введение в американское право. М.: Прогресс, 1992. С. 77).

² Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2008. С. 109.

³ Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 40.

⁴ См.: Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012. Перевод Е.В. Головиной // URL: https://philosophy_sponville.academic.ru (дата обращения 12.05.2018).

Легальность и легитимность не являются тождественными друг другу понятиями. «Легальность, — по мнению Г.В. Мальцева, — категория, выражающая соответствие какого-либо акта, действия, события закону и его нормам»⁵. В свою очередь, «легитимность — более широкая категория, выходящая за пределы юриспруденции, она позволяет признавать определенные акты, действия и события оправданными с позиций должного (что есть, то и должно быть). Признать что-либо легитимным, т.е. долженствующим быть, значит признать соответствие некоего предмета высшим законам и высшим принципам, социальным, нравственным и правовым ценностям»⁶.

Таким образом, легальность целиком и полностью относится к юридической сфере, подразумевая собой исключительно «законность».

Легитимность — явление не только более широкое (поскольку устанавливается на основе целого комплекса критериев — экономического, юридического, социального, социально-психологического, морального и т.д.), но и сложное. Оно обозначает признание социумом (по крайней мере, доминирующей его части) права. Подобного рода признание крайне важно, ибо нельзя не согласиться с тем, что «наличие легитимной нормы — это необходимая предпосылка законности, условие правопорядка»⁷.

Легитимность права, как было сказано выше, корреспондирует идеям справедливости в праве, понимаемой как соответствие каким-либо высшим ценностям.

Полное признание права населением (абсолютная легитимация) объективно невозможно. «Нельзя легитимировать право, аргументируя это наличием в нем вневременных принципов. Это связано с тем, что определенные ценности, лежащие в основе права, которые разделяются одними гражданами, могут быть нелегитимны для других социальных групп»⁸. Еще более резко и в то же время оптимистичнее высказывался по данной проблеме О.Э. Лейст. «Не было, нет (и не будет) такой страны, каждый житель которой видел бы в праве и каждой его норме нечто совершенное и безупречное, но нет и такого члена общества, который отвергал бы все нормы права до единой. ...Поэтому почти в любом обществе право воспринимается как нечто целое, недовольство одной частью которого компенсируется согласием

с другими его частями (в разных слоях общества по-разному)»⁹.

По нашему мнению, социум (по крайней мере, доминирующая его составляющая) способен к консолидации, хотя бы исходя из соображения самосохранения. Сложность легитимации права, как и любого иного социального регулятора, заключается в том, что норма (совокупность которых и составляют данный регулятор) представляет собой образец, эталон, модель поведения. Тем самым норма — это правило, устанавливающее вариант социальной регуляции общественных отношений.

Исторически появление правил должного общественного поведения, как одного из исходных элементов механизма социального регулирования, определялось объективной необходимостью организационного единства общества, его существования и сохранения как целостного социального образования. «Правила, — считает Р.А. Ромашов, — играют роль инструментов, используемых людьми в процессе социального регулирования для придания статуса “общезначимых” социальным отношениям, в той или иной степени затрагивающим интересы большинства членов сообщества; закрепления унифицированных стандартов поведения в рамках этих отношений, контроля за соответствием фактического поведения субъектов установленным стандартам допустимого (правильного) и недопустимого (неправильного) поведения»¹⁰.

Только в рамках определенных общественных отношений индивид может рассчитывать на качественное удовлетворение своих жизненно важных интересов (именно на этом базируется возникновение, функционирование и существование объединений людей). Более того, вне социальных связей говорить о материализации интереса было бы бессмысленно. Тем самым общество — непосредственное условие реализации интересов каждого человека. На этом во многом основан феномен правил: понимание приоритета интересов общества над своими интересами; более того — отождествление личных и общественных интересов. «Начиная с первобытнообщинной формации, в условиях борьбы за выживание, регламенты жизни человека, хотя и ограничивающие его индивидуальность, воспринимались им как естественная необходимость без какого-либо противоречивого персонального отношения, что и обеспечивало их безотказное действие»¹¹.

⁵ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 753.

⁶ Там же. С. 754.

⁷ Там же.

⁸ Денисенко В.В. Указ. соч. С. 159.

⁹ Лейст О.Э. Указ. соч. С. 112.

¹⁰ Ромашов Р.А. Закон, правило, норма, долженствование // Правоведение. 2001. № 6. С. 14.

¹¹ Малько А.В., Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты

Вместе с тем нельзя не признать, что «общественные интересы, даже в идеальном своем варианте не представляющие простого объединения интересов отдельных индивидов, — противоречивое и довольно-таки непредсказуемое явление. Случаи, когда интересы общества противоречат интересам индивида, не так уж редки. Это не всегда отрицательное обстоятельство: жить в обществе в условиях неограниченной свободы нельзя, а любое ее ограничение уже вызывает определенный протест личности»¹².

Как думается, центральным звеном приведенного высказывания выступает не авторская оценка факта доминирования одних интересов над другими, а прямая констатация возможности посредством правил ограничения интересов личности интересами общества.

На то, что каждое правило есть ограничение, на это обстоятельство традиционно обращается внимание в литературе¹³. Сам термин «ограничение» трактуется как правило, ограничивающее какие-либо права, действия¹⁴. Подобное обусловлено тем, что правило с информационно-психологической точки зрения определяет сферу возможного и должного, разрешая одни варианты поведения, одновременно пресекает и запрещает другие.

Таким образом, получается следующая картина социальной регуляции. Правила ограничивают определенную часть интересов. Такого рода ограничения неизбежно вызывают противодействие тех, чьи интересы сужаются. Поэтому необходимы запреты, выполняющие охранительную функцию. Нарушение запрета влечет наказание, указанное в санкции.

Уязвимость представленной конструкции заключается в реальной невозможности ограничить многочисленные и разнообразные личные интересы.

«Общество не может полностью поглощать личность, подчинять ее одной лишь целесообразности выполнения своих законов. Да и вряд ли это будет соответствовать общественным интересам как таковым. Ведь личность — это важнейшая составляющая общества, и подобно тому, как отдельная потребность играет определяющую роль в формировании интереса и нуждается в удовлетворении,

так и индивидуальные интересы (примерно в том же соотношении) сказываются на общественных»¹⁵.

Коллектив людей, в котором доминирует не кооперация интересов, а их ограничение, не имеет перспектив дальнейшего развития. Иное дело то, что сама интеграция интересов априори предполагает ограничение.

Абсолютно понятно, что собственные интересы без их согласования раздирают общество, так как именно интерес является решающим личностным саморегулятором. Для обеспечения нормальной жизнедеятельности, прогрессивного развития требуется объединить эти интересы на общее благо. Но соединить можно, лишь сочетая личную выгоду (личный интерес) с общественной выгодой (общественным интересом).

Именно посредством такого сочетания, позволяющего синтезировать личное и общественное (классический пример — сохранение самого социума), и достигается легитимность того или иного социального регулятора.

В связи с этим бесспорного одобрения заслуживает позиция И. С. Морозовой: «Следует обратить внимание на то, что согласование интересов различных субъектов общественной практики — сложнейшая проблема и в научном плане, и тем более в социальном управлении. Это связано с трудноразрешимым вопросом о выборе критериев согласования. Следуя логике подобного суждения, можно сделать вывод, что критерий согласования интересов одновременно может выступать и критерием установления тех или иных юридических исключений, в соответствии с основным назначением подобного правового средства»¹⁶.

Конечно, в ракурсе разговора об исключениях из правил, не стоит жестко привязывать исключения только к правовой сфере. Логическая цепочка «правила — исключения» активно проявляет себя во всех социальных нормах.

Однако именно для легитимизации права как особого социального регулятора исключения более чем необходимы. Всеобщий характер права позволяет не только установить обязательные для всех правила, но и, что не менее важно, определить допустимые исключения из них. Подобные исключения также облакаются в правовую форму, чем достигаются их упорядочивание и систематизация, а также обеспечивается восприятие исключений как разрешенных, дозволенных и, соответственно, законных.

Уникальность права состоит в том, что оно, объективно предполагая типизацию

как особые правовые исключения. Пенза: Информационно-издательский центр Пензенского госуд. ун-та, 2005. С. 15.

¹² Субочев В.В. Законные интересы. М.: Норма, 2008. С. 9.

¹³ См. об этом: Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М.: Юрид. лит-ра, 1978. С. 107.

¹⁴ См.: Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1986. С. 305.

¹⁵ Субочев В.В. Указ. соч. С. 10.

¹⁶ Морозова И.С. Институционализация и реализация юридических исключений // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 4. С. 82.

регламентируемой социальной среды, имеет возможность учитывать неоднородность, многогранность и разносторонность подпадающих под его упорядочивающее воздействие тех или иных ситуаций, процессов, а также субъектов, в них участвующих.

Для права как особой совокупности социальных норм, выполняющего роль государственного регулятора, исключения из правил необходимы так же, как и сами правила. Игнорирование разнообразного характера общественных отношений, фактических обстоятельств, личности людей в конечном итоге приведёт к несправедливости.

Квинтэссенция существования исключений в праве заключается в том, что они, при всей своей внешней противоречивости по отношению к правилам, не противостоят последним, не подрывают их положения, а, напротив, вместе с правилами направлены на полноценное урегулирование социальных связей.

М. И. Байтин, признанный апологет нормативного подхода к пониманию права, в одной из своих последних фундаментальных работ определял право как государственную волю общества. «Стремясь к смягчению и преодолению существующих противоречий, компромиссу между различными социальными слоями, государство учитывает, корректирует и обобщает многосложную и противоречивую волю общества, придавая ей новое качество и всеобщее выражение в идее воли государственной»¹⁷. Именно государственная воля общества, в которой аккумулируются экономические, социальные, культурные и иные интересы и притязания различных классов, слоев и групп населения, воплощенная в правовых нормах, и представляет собой, по мнению ученого, право.

В данной связи исключения представляют собой особые правовые инструменты, которые адаптировали и интегрировали запросы разных социальных групп. Исключения необходимы праву для максимального сочетания и гармонизации различных интересов, создания условий солидарности общества.

По нашему мнению, исключения из правил представляют собой не просто юридические средства, а средства легитимации права, наличие которых позволяет минимизировать столь верно подмеченный В. В. Денисенко кризис правового регулирования (и, соответственно, кризис) легитимности позитивного права, обусловленный «юридификацией общества», выражающейся в том, что право

становится слишком сложным и формальным для граждан¹⁸.

Как думается, прилагательное «сложное» не следует понимать буквально. Речь идет об искусственном усложнении правового регулирования, схоластике последнего, выражающейся в игнорировании поразительного многообразия реальной жизни. Что же касается упрека в формальности права, то с В. В. Денисенко можно согласиться, только, если ставить знак равенства между «формальным» и «формальностью».

Позитивное право, о проблемах легитимации которого и пишет ученый, может быть сложным, но не усложненным; должно быть формальным, но при этом в своем регулятивном воздействии не являться формальностью.

Исключения — это как раз тот феномен, который позволяет позитивному праву, не разрушая своей эталонной природы, минимизировать негативное свойство шаблонности, объективно присутствующее в праве как совокупности формально определенных юридических норм.

Юридический позитивизм, по нашему мнению, более чем лоялен для констатации того факта, что право представляет собой совокупность не только нормативных правил, но и исключений из них.

Во-первых, право представляет собой совокупность юридических норм в их материалистическом понимании, подразумевающих правила поведения.

Соответственно, если существуют нормы-правила, значит, могут быть и нормы, устанавливающие исключения из данных правил; там, где есть правила, предполагается и присутствие исключений из этих правил.

Во-вторых, нормы права издаются, изменяются, отменяются, а также санкционируются государством и охраняются им от нарушений возможностью применения мер государственного принуждения.

Таким образом, если государство устанавливает нормы, учреждающие правила, то оно компетентно в императивном порядке санкционировать исключения. В данном аспекте исключения, равно как и правила, создаются на основе государственно-властного решения; облакаются в форму нормативных предписаний.

В-третьих, и это самое главное, всеобъемлющий характер правового регулирования, широта охвата объектов указанного процесса и неоднородность участвующих в нем субъектов детерминируют появление исключений из унифицированных, единых для всех стандартов поведения.

С. С. Алексеев образно сравнивал право с «рамой», состоящей из четко очерченных

¹⁷ Байтин М. И. Сущность права: (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М.: Право и государство, 2005. С. 60.

¹⁸ Денисенко В. В. Указ. соч. С. 135.

программ и ячеек, тем не менее дающих гарантированный простор собственному поведению участников общественных отношений. «Наложённая на реальную социальную жизнь, на всю гамму разнообразных общественных отношений эта “рама” должна так расположиться на эти отношения, так органично включиться в социальную жизнь, чтобы существовали оптимальные возможности для целенаправленного устойчивого и динамичного функционирования общественной системы с максимальным использованием всех присущих ей духовных и материальных стимулов»¹⁹.

Исключения как раз и позволяют легальным образом «раздвинуть» нормативные рамки права, не посягая на саму нормативную природу права, сделать его более восприимчивым к экономическим, социальным, духовным и иным факторам реальной жизни, максимально учитывать объективные и субъективные особенности последних.

Для максимально возможного юридического опосредования разнообразных факторов окружающей действительности государство нормативно оформляет исключения из им же созданных правил.

В данном аспекте исключения вполне обоснованно воспринимаются в качестве средств опережающего правотворчества, ибо именно они не только позволяют праву учитывать все многообразие жизненных казусов, подпадающих под его регламентированное воздействие, но и вводить в нормативные акты формулировки, предусматривающие в абстрактном плане те фактические обстоятельства, которые потенциально могут наступить²⁰.

Наличие и реализация исключений в праве позволяет утверждать о существовании и действии режима исключений, характеризуя который С. С. Алексеев вполне обоснованно отмечал следующее: «Именно он с социальной стороны обеспечивает высокий уровень нормативности и вместе с тем учет своеобразных жизненных ситуаций»²¹. Последнее, в свою очередь, создает условия для нормальной жизнедеятельности субъектов, существования между ними определенного социального компромисса, согласования их интересов с интересами общества, а также государства.

Исключения из правил как раз и необходимы праву для учета многообразия свойств

каждого отдельного человека. Исключения позволяют добиваться приемлемого синтеза личного и общественного, индивидуального и коллективного, биологического и социального, создавая тем самым определенный баланс правового регулирования.

В свою очередь, в сфере права баланс и легитимность самым непосредственным и интересным образом связаны между собой. С одной стороны, подлинный баланс возможен лишь при легитимности, т.е. баланс возможен лишь при признании права (как содержания), законодательства (как формы) и реализации (как вида юридической деятельности). С другой стороны, легитимность права позволяет обеспечивать необходимый баланс и избегать дисбаланса.

Таким образом, исключения в праве выступают юридическим инструментарием, позволяющим обеспечить баланс правового регулирования²².

Баланс в праве, в частности, достигаемый за счет наличия исключений из общих, установленных для всех правил, синхронизируется в синтез разнородных интересов (правовой компромисс) и эффективность правовой регламентации. Именно компромисс и эффективность, являясь следствием баланса в праве, одновременно служат показателем легитимности права. При этом не следует идеализировать исключения из правил; понимая, что исключения — неоднозначный и сложный феномен, который не только позволяет достигнуть баланса, но и получить дисбаланс.

Исключениями легко можно разрушить и без того хрупкое и парадоксальное состояние легитимности. Исключения позволяют изменить единое правило, выйти из-под действия общего для всех стандарта. Данное свойство значительно увеличивает возможность злоупотребить исключениями, повышает опасность и масштаб употребления их во зло²³. Действительно, тяжело уличить недобросовестного судью, приговорившего подсудимого к гораздо меньшему наказанию, чем это предусмотрено санкцией соответствующей статьи, если он опирается на ст. 64 УК РФ, предоставляющую ему такое право; невозможно противостоять производлу следователя, усмотревшего ведомый только ему исключительный случай и потому ворвавшегося в жилище и устроившего там обыск (ч.

¹⁹ Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. С. 247.

²⁰ См. об этом: Баранова М.В. Исключение из правил как технико-юридическое средство опережающего правотворчества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1(120). С. 82-90.

²¹ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 202.

²² См.: Белоусов С.А., Суменков С.Ю. Исключения в праве как возможность достижения баланса либо обретения дисбаланса: общетеоретический анализ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2(42). С. 3-7.

²³ См. об этом подробно: Суменков С.Ю. Исключения в праве и злоупотребление правом: проблемы разграничения // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 1(65). С. 129—133.

5 ст. 165 УПК РФ); сложно определить достаточность оснований, на которую полагались сотрудники полиции, позволившую им провести личный досмотр в отсутствие понятых (ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ).

Подобные вопросы обуславливают сомнения в способности права выступать в качестве общеобязательного нормативного регулятора, направленного на упорядочивание общественных отношений. Более того, это порождает справедливые опасения торпедирования исключениями общих правил, и как следствие, вероятность злоупотребления исключениями в процессе их реализации. В таком контексте исключения зачастую оцениваются в качестве негативного, подрывающего функциональные возможности права.

По поводу имплементации исключений в правовую норму достаточно жестко высказался В.М. Баранов. «К числу очевидных свидетельств ложности конкретной юридической нормы, — отмечает автор, — относится наличие у нее многих исключений»²⁴.

Иной, альтернативный правилу вариант регуляции, который подразумевает исключение, с одной стороны, и поразительное, без преувеличения, множество исключений, с другой, неизбежно вызывает размышления о нивелировании стандартизирующего эффекта права и возможности правовых норм быть эталонами, образцами, моделями поведения.

Вместе с тем надо понимать очевидность того, что всяким юридическим средством можно злоупотребить. Однако подобное вовсе не означает полную дискредитацию последнего и необходимость его ликвидации как такового.

Последний вывод напрямую проецируется на исключения, риски злоупотребления которыми, все же меркнут при сравнении с объективной необходимостью их наличия. Это, конечно, не означает, отрицания борьбы с негативными качествами исключений, отрицательно влияющих на легитимность права в целом.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Легитимность права — качество, обозначающее признание права большей частью населения и являющееся сущностным признаком позитивного права, органически связанным с государственно-волевым характером права.

Легитимность не заложена в праве сама по себе (в отличии от легальности), а выступает в роли достижимого свойства; посредством приемлемого и рационального синтеза многочисленных и разнообразных интересов.

Легитимность права может быть обеспечена

благодаря различному юридическому инструментарию, позволяющему учитывать разнообразие общественных отношений, неоднородность их участников и разновекторность интересов последних. Среди юридических инструментов магистральную функцию выполняют исключения из правил в сфере правового регулирования.

Легитимность права напрямую связана с исключениями, поскольку именно исключения могут, не нарушая шаблонности правовой регламентации, учитывать многообразие реальной жизни и широкую гамму законных интересов.

Легитимность права обратно пропорциональна его эффективности, показателями которой служат дифференцированность и оперативность, обусловленные наличием и надлежщей реализацией правовых исключений.

Список литературы

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1986. 586 с.
2. Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. 288 с.
3. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 400 с.
4. Баранова М.В. Исключение из правил как технико-юридическое средство опережающего правотворчества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1(120). С. 82-90.
5. Байтин М.И. Сущность права: (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М.: Право и государство, 2005. 544 с.
6. Белоусов С.А., Суменков С.Ю. Исключения в праве как возможность достижения баланса либо обретения дисбаланса: общетеоретический анализ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2(42). С. 3-7.
7. Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.
8. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012. 1120 с.
9. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М.: Юрид. лит., 1978. 192 с.
10. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2008. 246 с.
11. Малько А.В., Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза: Информационно-издательский центр Пензенского гос. ун-та, 2005. 180 с.
12. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
13. Морозова И.С. Институционализация и реализация юридических исключений // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 4. С. 339-343.
14. Ромашов Р.А. Закон, правило, норма, долженствование // Правоведение. 2001. № 6. С. 13-19.

²⁴ Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 349.

15. Субочев В.В. Законные интересы. М.: Норма, 2008. 496 с. Саратовской государственной академии права. 2009. № 1(65). С. 129—133.
16. Суменков С.Ю. Исключения в праве и злоупотребление правом: проблемы разграничения // Вестник 17. Фридман Л. Введение в американское право. М.: Прогресс, 1992. 286 с.

Exceptions to Law as a Means of Ensuring Its Legitimacy

Sumenkov S. Yu.,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department
of Theory of State and Law Saratov State Law Academy

E-mail: sumenkov@bk.ru

Abstract. *The article reveals the relations between two phenomena of legal reality: the legitimacy of law and exceptions to the law. The author agrees that the legitimacy is the most important feature of the right, indicating the recognition of both the right itself and its regulatory impact by the majority of the population. The legitimacy of the law is achieved through its effectiveness, especially speed and differentiation. But the main quality that contributes to the legitimacy of law is the possibility of coordination of different-vector interests of numerous and heterogeneous subjects of social relations. The main role in solving this problem is played by exceptions to the law, which offer a different, compared with the General version of regulation, without destroying the standardizing effect of legal regulation.*

Keywords: *balance, legitimacy, exclusion, interest, rule, law, recognition.*

References

1. Aleksandrova Z.E. Slovar sinonimov russkogo yazyka. M.: Russkij yazyk, 1986. 586 s.
2. Alekseev S.S. Obschie dozvoleniya i zaprety v sovetskom prave. M.: Yurid. lit., 1989. 288 s.
3. Baranov V.M. Istinnost norm sovetskogo prava. Problemy teorii i praktiki. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1989. 400 s.
4. Baranova M.V. Isklyuchenie iz pravil kak tekhniko-yuridicheskoe sredstvo operezhayushchego pravotvorchestva // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2018. № 1(120). S. 82-90.
5. Bajtin M.I. Suschnost prava: (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov). Izd. 2-e, dop. M.: Pravo i gosudarstvo, 2005. 544 s.
6. Belousov S.A., Sumenkov S.Yu. Isklyucheniya v prave kak vozmozhnost dostizheniya balansa libo obreteniya disbalansa: obscheteoreticheskij analiz // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 2(42). S. 3-7.
7. Denisenko V.V. Legitimnost kak kharakteristika suschnosti prava. Vvedenie v teoriyu. M.: Yurlitinform, 2014. 184 s.
8. Kont-Sponvil A. Filosofskij slovar. M.: Eterna, 2012. 1120 s.
9. Kudryavtsev V.N. Pravo i povedenie. M.: Yurid. lit., 1978. 192 s.
10. Lejst O.E. Suschnost prava. Problemy teorii i filosofii prava. M.: Zertsalo, 2008. 246 s.
11. Malko A.V., Sumenkov S.Yu. Privilegii i immunitety kak osobyje pravovye isklyucheniya. Penza: Informatsionno-izdatelskij tsentr Penzenskogo gos. un-ta, 2005. 180 s.
12. Maltsev G.V. Sotsialnye osnovaniya prava. M.: Norma, 2007. 800 s.
13. Morozova I.S. Institutsionalizatsiya i realizatsiya yuridicheskikh isklyuchenij // "Chernye dyry" v rossijskom zakonodatelstve. 2007. № 4. S. 339-343.
14. Romashov R.A. Zakon, pravilo, norma, dolzhenstvovanie // Pravovedenie. 2001. № 6. S. 13-19.
15. Subochev V.V. Zakonnye interesy. M.: Norma, 2008. 496 s.
16. Sumenkov S.Yu. Isklyucheniya v prave i zloupotrebleniye pravom: problemy razgranicheniya // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava. 2009. № 1(65). S. 129-133.
17. Fridmen L. Vvedenie v amerikanskoe pravo. M.: Progress, 1992. 286 s.